

начинается ослабление восточных влияний. Постепенно происходит модернизация армии, увеличивается доля огнестрельного оружия, в том числе и ручного, значение которого стремительно растёт. Увеличивается количество стрелецких полков. Появляются полки так называемого “нового строя”, оснащенные по западноевропейскому образцу. Доспех утрачивает практическое значение, становясь декоративно- парадным атрибутом. Все эти изменения усилили армию, приблизив ее к европейским нормам, и подготовили почву для предстоящих преобразований Петра Великого.

А.С.Козлов
Екатеринбург

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ “РУССКОГО ВИЗАНТИНИЗМА”: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИЕЙ

Явления, подпадающие под понятие “русский византизм” (в том числе и явления военно-политического порядка), до сих пор в ряде школ западной исторической науки восходят к понятию К. Крумбахером югославянских и русской цивилизаций как покоящихся на “византийском базисе”. Другое дело, что к рубежу 1960–70-х гг. иссяк как потенциал прямолинейного понимания подобного базиса (применительно к российской действительности), так и задор полемики пестрого лагеря сторонников такого взгляда с приверженцами противоположного взгляда (например с евразийцами). В византиноведении и славяноведении такого рода перелом ярче всего отражен в работах английского историка Д.Оболенского; в направлениях “остфоршунга” – трудами Э.Хеша и Гейдельбергской школы.

Основной принцип подхода к “трансляции” византийского влияния на восточноевропейскую военную активность заключается сегодня в рассмотрении событий и фактов в широкой временной перспективе (с IX по начало XX вв.) и в конкретно-историческом контексте структурного единства как славянско-византийских отношений, так и военно-политической преемственности восточного вопроса в его российском варианте. Однако целостного научного осмысления восприятия Россией военно-политических элементов византийского универсализма в западной историографии нет. Больше или меньшее единство взглядов европейских и американских исследователей в подобном ключе наблюдается лишь применительно к военной истории

России XVIII–XIX вв. И это несмотря на то, что “петербургскому” аспекту русской имперской истории оценка всемирно-исторического потенциала Византии, по мнению Э. Хеша, оставалась чуждой. Тем более, как считает большинство западных славистов, до сих пор не существует приемлемой работы по истории византийско-русских отношений, которая раскрывала бы идеологическое обеспечение процесса византинизации российской внешней политики, зачастую сводимой (по XVII в. включительно) к конфессиональной проблематике. В то же время усиливается критика односторонности подобных концепций, в которых, как считает, например, Г. Подскальский, снимается методологически важный вопрос о взаимовлияниях, так же как и о формах восприятия и адаптации “чужой” культуры. Что же касается популярной проблемы “Москва – Третий Рим”, то для последнего времени характерен рост сторонников той точки зрения, что указанная теория отнюдь не свидетельствует о геополитических претензиях Москвы на мировое господство. П.Каталано отмечал, что исследования, проводимые в рамках международного семинара “От Рима к Третьему Риму”, направлены на “преодоление искусственно созданных барьеров между Востоком и Западом... на возрождение универсалистской традиции цивилизованности и мира, которая по-прежнему соединяет Рим со “Вторым Римом” и “Третьим Римом”... на возвращение идеи прав человека и всеобщего мира на земле”.

Практически не осталось среди специалистов и тех, кто был склонен видеть в отношениях между Русью и Византией хотя бы элементы политической зависимости земель Восточной Европы от империи. Все больше говорят об *auctoritas* византийского василевса в отношении Руси, но отнюдь не о *potestas*, характерной для “главы княжеской семьи”. С другой стороны, что касается военно-политических отношений Руси и Запада, то многие видят сегодня в росте отчуждения от “латинян” после схизмы 1054 г. почву для распространения среди восточных славян “самых крайних византийских тезисов” (см. работы французского историка В.Водова), хотя тотальной такая установка не была даже среди русского духовенства, не говоря уже о княжеских кругах.

Еще в начале 1960-х гг. Х.Кох увидел зарождение новой фазы развития “русского византизма” в славянизации византийских идей, в их последовательном превращении в национально-русское начало. Самый яркий политический результат этого процесса – идеологическое фундирование “московского самовластья”. Крах Византийской империи и поиски унии с Западом, по мнению ряда европейских славяноведов, ускорили этот процесс, а Константинополь потерял свое значение как

центр мира. Отсюда же – представления о том, что российская власть не вникала в “универсальную обязательность” идеи Третьего Рима, в которой московские притязания вроде бы должны были найти нужную формулу.

Характерным для такого рода исследовательских подходов является мнение, что с середины XVII в. русская дипломатия в восточном вопросе разыгрывала греческую карту только для прикрытия своих национальных целей. Воспоминания о Византии трансформировались в “манипулируемый византизм”, вышедший на передний край чисто внешнеполитической деятельности.

Среди западных исследователей истории XVII–XVIII вв. распространен взгляд, что, хотя Переяславская рада привела Россию в непосредственное соприкосновение с османами, уже в правление Петра I официально говорилось, что здесь решается в первую очередь вопрос о продвижении государства к морям и лишь во-вторых – об освобождении православных народов от власти Османской империи. Деградация последней в XVIII–XIX вв. способствовала обострению дилеммы российской политики на Балканах – дилеммы “гуманитарных и легитимных начал”.

При Екатерине II, согласно таким взглядам, греческий, “остаточный византийский”, фактор использовался в рамках пропагандистских шагов и идеологического наступления на Порту. Но польский вопрос и французская революция оттеснили греческую проблему на задний план. Константой же европейской политики XIX в. было то, что “изолированное” вмешательство России в восточный вопрос вызвало интервенцию великих держав. Часть российской общественности не захотела смириться с похоронами “восточных планов”, где мечта о Третьем Риме выступала в секуляризированной форме. Остаточные же импульсы идейного багажа “русского византизма” в духовной жизни XIX в. нашли свое наиболее яркое выражение в славянофильских представлениях об ортодоксии, где тесно переплетались славянская романтика и “русский мессианизм”. В представлениях известной группы национально-русских публицистов периода первой мировой войны имели место рассуждения о Св. Софии и Константинополе как центре новой России – взгляды, превращавшиеся в пропаганду стремления самодержавия к проливам.

В целом получается, что для западных исследователей “византизм” в российской истории – комплексное, в то же время довольно аморфное образование, и для его изучения недостаточно просто описания импульсов “грецизации” и процессов “рецепции” на российской почве элементов византийского

влияния. Задача исторической науки, по мнению части специалистов, выходящих на подобную проблематику, – искать функциональное значение манипуляции “визан-тинизмом” вплоть до новейшего времени.

А.П.Зыков
А.А.Погодин
Екатеринбург

ШЛЕМ–ШИШАК С ОЗЕРА ПЯКУ-ТО

1. В 1991 г. при археологическом обследовании берегов оз.Пяку-то в Пуровском районе Ямало-Ненецкого автономного округа было открыто поселение Пяку-то III (Погодин А.А., 1992). Оно располагалось на левом берегу впадающей в озеро с запада р.Безымянная, в 1 км от устья. Поселение состоит из 4 впадин – остатков жилищ и хозяйственной постройки (рис.1, А). Судя по сохранности древесины в самой поздней впадине, последнее жилище стояло здесь еще в начале XX в. На оконечности, вблизи поселения, на сосне зафиксирован старый затес – личина (рис. 1, Б). На территории памятника были обнаружены бронзовая орнаментированная пластина и железный шлем (рис.1, В).

2. По словам местного жителя А.Вылла, он в детстве находил на этом месте шлем и кольчугу. Также он указал, что, по рассказам стариков, в устье реки жил в конце XIX – начале XX вв. богатый ненецкий купец. По сведениям Дунина-Горкавича (Дунин-Горкавич А.А., 1910, с.351) оз.Пяку-то (Пякон-то, Глазковское) в начале XX в. находилось во владении семьи лесных ненцев – братьев Пяк. В устье реки, а судя по описаниям исследователя – именно р.Безымянной, располагался лабаз (амбар) этой семьи.

3. Наиболее интересная находка с памятника – железный шлем. Он представляет собой низкое, всего 15 см, куполовидное цельнокованое головное покрытие. Нижняя часть тульи гладкая, верхняя – рифленая. 22 грани рифления выполнены ударами зубила с изнанки. Шлем орнаментирован тремя рядами мелких насечек, прямыми у края тульи и волнистыми, соединяющими грани рифления – в центре тульи и у вершины. По нижнему краю сделаны мелкие аккуратные отверстия, предназначавшиеся для крепления бармицы, закрывавшей не только шею, но и лицо. Шлем имеет следы позднейших переделок: 4 крупных грубых отверстия с заусенцами, пробитых попарно у височных частей тульи, предназначавшихся для крепления подбородочного ремня, и столь же грубое отверстие в вершине